

Несколько заметок о транснациональной памяти

Мартиньш Капранс
Научный сотрудник Института Философии и социологии
Латвийского университета

Память иммигранта, поселившегося в принявшей его стране, хранит историю прошлой жизни. Память – это невидимый, неосязаемый и зачастую бережно хранимый багаж, который человек берет с собой, покидая родную землю.

В пространстве памяти личный опыт переплетается с коллективным. Память человека похожа на палимпсесты, в которых наслаиваются отпечатки, отображающие личности, родные края, национальные особенности. Иммигранты, оказавшиеся в социальной среде страны проживания, хранящей самобытные культурно-исторические традиции, невольно ощущают свою принадлежность и к *стране исхода* и к *принявшей стране*. Степень этой принадлежности зависит от того, насколько они адаптировались или отмежевались от культуры страны проживания. В этих условиях в памяти иммигранта формируется транснациональное пространство, в котором взаимодействуют события, связанные со страной происхождения и со страной проживания. Социологи сравнительно недавно обратились к изучению феномена транснациональной памяти, который может иметь различные проявления – от официального принесения извинений одного государства перед другим за преступления, совершенные в прошлом, до формирования глобальной памяти. Как бы ни были интересны и многообразны сферы транснациональной памяти, цель настоящей публикации – увидеть в пространстве памяти иммигрантов проявления транснациональной памяти. Хочется надеяться, что эти заметки побудят читателей задуматься о проблемах, связанных с коллективной памятью иммигрантских общин.

Память иммигрантов может иметь эмоциональную или даже патетическую окраску. Тоска по родине или ностальгия (термин был введен в 17 веке швейцарским врачом, изучавшим поведение швейцарских наемников), в прошлом считалась болезнью, возникающей в результате долгого пребывания вдали от родины. Понятие ностальгии породило целый культурный канон, в котором ностальгии отводится центральная роль в определении идентичности иммигранта. Безусловно, ностальгия как проявление памяти не связана лишь с ощущением утраты, поскольку воспоминания о прошлом и о родных местах могут быть мощным источником вдохновения и фактором формирования самосознания. Правда, благодаря информационным и коммуникативным технологиям расстояние, отделяющее иммигранта от родины, значительно уменьшилось в его сознании, что неизбежно меняет понимание отсутствия. Такая *позитивная ностальгия* характерна для стабильных и самоорганизующихся общин (диаспор). Диаспорическая память обладает социально мобилизующим эффектом. В качестве примера можно привести латышские, эстонские и литовские иммигрантские общины, сформировавшиеся после Второй мировой войны в Северной Америке, Австралии и Европе из беженцев и их потомков и объединенные общим историческим прошлым и памятными традициями. Что касается беженцев, то следует прежде всего обратить внимание на диаспоры,

возникшие в результате изгнания, то есть, принудительной миграции. В этих диаспорах воспоминания о родине носят острый характер, и иммиграция воспринимается как травматический опыт.

Определенную ясность в понятие транснациональной памяти позволяет внести предлагаемые Томасом Лакруа и Еленой Фиддиан-Касмие различия между *памятью беженцев (изгнанников)* и *диаспорической памятью*. Понятие памяти беженцев соотносится с концепцией классической диаспорической памяти и рассматривается как общая репрезентация травматических обстоятельств (войны, государственные перевороты, этнические чистки и т.п.), вынудивших определенную группу людей покинуть родину. Диаспорическая же память формируется не на основании общих прошлых событий, а, скорее, становится результатом определенной траектории миграции, осознания национальной самобытности и меньшинства¹. Разумеется, один тип коллективной памяти не исключает другой, хотя иной раз оба типа приводят к дифференциации внутри диаспоры, формируя в ней различные группы иммигрантов. Основой для этого могут служить социально-экономические или идеологические причины. Например, существующей в Великобритании в течение многих столетий и ассимилировавшейся в этой стране еврейской диаспоре, одной из древнейших в мире диаспор, трудно было найти общий язык со своими соотечественниками, переселившимися из Восточной Европы в начале 20 века. Старая еврейская диаспора избегала выражения определенного отношения к еврейским погромам, чинимым в царской России. Молодая же диаспора, напротив, незамедлительно реагировала на общественные демонстрации².

Чем выше консолидированность коллективной памяти иммигрантов, тем больше вероятность того, что репрезентация в диаспорической памяти событий прошлого станет ресурсом для мобилизации политических сил, способных бросить вызов сферам памяти и в стране проживания, и в родной, и в третьей стране. Хрестоматийный пример – армянская диаспора во Франции, оказавшая влияние на официальное отношение государства к геноциду в отношении армян, учиненному Османской империей в 1915 году. Считается, что именно непризнание геноцида в отношении армян было одной из причин, препятствующей диалогу между Турцией и Евросоюзом. В качестве примера можно упомянуть и национальные общины в странах Балтии и Украине, проявившие большую активность в борьбе против советского режима и напомнившие демократическим странам о преступлениях сталинизма. Политическая активность, коренящаяся в транснациональной памяти, проявляется и в отношениях между иммигрантами и наиболее демократическими странами. Свидетельство тому – изданный в 2005 году в Южной Корее полубиографический роман японской писательницы Йоко Кавашимы Уоткинс «Так далеко от бамбуковой

---

¹Lacroix, T., Fiddian-Qasimiyeh, E. (2013) Refugee and Diaspora Memories: The Politics of Remembering and Forgetting. *Journal of Intercultural Studies*. 34(6), p. 687. (Лакруа, Т., Фиддиан-Касмие, Е. (2013) Память изгнанников и диаспорическая память: политика запоминания и забвения. *Журнал межкультуральных исследований*. 34(6), стр. 687).

²Gidley, B. (2013) Diasporic Memory and the Call to Identity: Yiddish Migrants in Early Twentieth Century East London. *Journal of Intercultural Studies*. 34(6), pp. 650–664 (Гидли, Б. (2013) Диаспорическая память и напоминание об идентичности: еврейские иммигранты в начале двадцатого века в Восточном Лондоне. *Журнал межкультуральных исследований*. 34(6), стр. 650–664).

рощи»,³ повествующий о травматическом опыте японцев, депортированных после Второй мировой войны из Маньчжурии и Северной Кореи. Книга поначалу оставалась незамеченной, но в 2007 году вызвала бурную реакцию в корейской общине США, особенно среди наиболее образованных ее представителей. Корейцы, живущие в Нью-Йорке и Бостоне, восприняли роман как попытку японцев уменьшить свою ответственность за совершенные военные преступления и изменить образ Японии как страны-агрессора. Звучали заявления, что книга Кавашимы Уоткинс используется в американских школах как учебное пособие. Таким образом защитники сложившейся в корейской диаспоре концепции исторического прошлого опосредованно стремились оказать влияние на лиц, ответственных за формирование политики конкретных штатов в области образования, а также содействовали развитию в корейской диаспоре Америки так называемого удаленного национализма⁴.

Понятие транснациональной памяти предполагает не только взаимодействие коллективной памяти диаспор с национальной памятью, но и с коллективной памятью других диаспор, существующих с стране проживания. Иммигрантским общинам, имеющим схожий социальный опыт и схожее историческое прошлое, гораздо легче создать дискурс в сфере транснациональной памяти, который, например, осуждает недемократические режимы прошлого и его лидеров. Гораздо труднее это сделать, когда опыт и историческая память различаются. Если смотреть с обобщенной точки зрения, то хотя транснациональная память и склонна признавать плюрализм в трактовке прошлого, она в то же время защищает интерпретирование прошлого от полного нивелирования. Это можно проиллюстрировать примером противопоставления дискурсов, существующих в исторической памяти японцев и евреев. В 1997 году в Нью-Йорке открылась выставка «Американские концентрационные лагеря: в память об испытаниях, сквозь которые прошли американские японцы». Выставка была посвящена событиям, происходившим в Америке в годы Второй мировой войны, когда примерно 110 тысяч японцев, проживавших на Западном побережье США были интернированы в специальные лагеря. Программа массового интернирования японцев, осуществлявшаяся с целью уменьшения угрозы безопасности США, которая, по мнению властей, может быть вызвана использованием Японией своей американской диаспоры, на мой взгляд, по сей день является для США неудобной темой при публичном обсуждении тех исторических событий⁵. Между тем выставка в Нью-Йорке вызвала недовольство в еврейской общине США, которая подвергла критике использование в названии выставки определения «концентрационные лагеря». Развернулись широкие общественные дискуссии по поводу правомерности применения *терминологии*

---

³ Kawashima Watkins, Y. (2000) *Sofar from the bamboo grove*. New York: William Morrow (Кавашима Уоткинс, Й., (2000) *Так далеко от бамбуковой рощи*. Изд. New York: William Morrow).

⁴ Sk. Lim, J.-H. (2014) Victimhood nationalism in the memory of mass dictatorship. In: Walker, B., Lim, J.-H., Lambert, P. *Mass Dictatorship and Memory as Ever Present Past*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 40–44 (См. Лим, Д.-Х. (2014) Виктимный национализм в памяти о диктатуре в отношении масс. Уолкер, Б., Лим, Д.-Х., Ламберт, П. *Диктатура и память как постоянное присутствующее прошлое*. Изд. New York: Palgrave Macmillan, стр. 40–44).

⁵ В 1988 году президент США Рональд Рейган публично принес извинения перед японской общиной США за события, связанные с реализацией в годы Второй мировой войны программы массового задержания и интернирования японцев. Каждому содержавшемуся в лагерях была выплачена компенсация в размере 20 тысяч долларов.

Холокоста для характеристики внешне схожих исторических событий. Идеальный конфликт, возникший между японской и еврейской общинами США, был в конце концов решен вполне рациональным способом. Организаторы выставки согласились уточнить формулировку «концентрационные лагеря»: были введены понятия «лагеря для интернированных» (*internment camps*) и «лагеря смерти» (*extermination camps*).⁶

До сих пор мое внимание было сфокусировано на физически существующих иммигрантских общинах, транснациональная память которых в известной мере связана с культурой конкретной страны проживания. С наступлением 21 века многое изменилось. В последние десятилетия интернет, глобальные социальные сети стали приобрели огромное значение в формировании пространства транснациональной памяти. Новые средства коммуникации изменили повседневную жизнь иммигрантов. Социологи все чаще стали использовать понятие цифровых диаспор, для членов которых физический контакт уже не является решающей предпосылкой для формирования общей идентичности. В социальных сетях (Facebook, YouTube, Wikipedia) иммигранты все чаще ведут дискуссии об истории своих родных стран, спорят со своими соотечественниками из других стран по поводу наиболее верной интерпретации истории.

В условиях цифровой диаспоры возможен более индивидуализированный подход к явлениям, связанным с транснациональной памятью. Но в то же время цифровая диаспора сохраняет идеологические установки реальной, физически существующей диаспоры, возникающие в результате политического позиционирования в противовес «значительности других», которыми могут быть и страны исхода, и принимающие страны, и другие иммигрантские группы.

Особенно яркое отражение этого явления я наблюдал среди пользователей *YouTube* и *Wikipedia*, когда изучал реакцию пользователей на скандальный документальный фильм «Советская история». Среди защитников и критиков фильма были также иммигранты, переселившиеся из стран Балтии и России.

Содержащееся в фильме провокационное послание и закодированные в нем *харизматичные* воспоминания, очевидно, не оставили их равнодушными.⁷

Несмотря на то, что формирование общинной памяти происходит главным образом «снизу», известную роль в этом процессе может играть и правительство страны проживания, способствуя социальной интеграции иммигрантов. Государственные учреждения стран, где существуют общины, между сферами коллективной памяти которых вполне возможны конфликты, или различные общины, вероятность конфликта между которыми довольно высока, должны быть готовыми выступить посредниками в улаживании этих конфликтов. Государство, например, может предоставить помещения для создания музея или проведения выставки, поддержать проекты биографических исследований, направленные на выявление и опубликование историй о судьбах иммигрантов. Биографические исследования

---

⁶ Подробнее об этих событиях см. Schiffrin, D. (2001) *Language and Public Memorial: 'America's Concentration Camps'*. *Discourse and Society*. 12(4), pp. 505–534.

⁷ Kaprāns, M. (2015) *Hegemonic representations of history and digital agency: giving meaning to "The Soviet Story" on SNS*. *Memory Studies*. *Nodots publicēšanai* (Капранс, М. (2015) Гегемонические репрезентации истории и цифровое исследование: мнения о фильме "Советская история", опубликованные в социальных сетях. *Исследование памяти*. Передано для публикации).

открывают индивидуальные пространства в коллективной памяти. Кстати, в таких крупных иммигрантских странах как США, Канада и Австралия, автобиографии иммигрантов стали популярным жанром, способствующим развитию в сознании иммигрантов как принадлежности к стране проживания, так и признанию диаспорической памяти. Для учреждений, реализующих политику интеграции, очень важное значение имеет оказание поддержки тем группам иммигрантов, которых объединяет травматическая память и которые считаются жертвами принудительной миграции.

Возникает вопрос: какое отношение все вышесказанное имеет к Латвии? Эксперты уже в течение нескольких лет предупреждают, что демографические тенденции свидетельствуют о неизбежной приросте в составе населения доли иммигрантов, что следует учитывать в целях обеспечения стабильного экономического развития. При планировании политики интеграции иммигрантов нельзя недооценивать аспект транснациональной памяти, который поможет своевременно идентифицировать серьезные проблемы, препятствующие развитию социальной сплоченности Латвии. Ведь в течение следующего десятилетия количество иммигрантов в Латвии может существенно увеличиться за счет переселенцев из постсоветских стран, где большое влияние имеет российское информационное пространство. Поэтому следует считаться с тем, что в Латвии возрастет количество жителей, поддерживающих характерную для России схему интерпретации истории. Представленные несколько лет назад данные «Евразийского монитора» ясно показывают, что в странах, расположенных на побережье Каспийского моря, откуда также могут прибыть иммигранты, доминирует иное, не такое как в Латвии, толкование истории советского периода.⁸ С учетом того, что среди национальных меньшинств Латвии также доминирует просоветская парадигма, согласно которой Латвия добровольно присоединилась к СССР⁹, новая группа иммигрантов поможет укрепить эту парадигму, что увеличит размежевание в обществе и усилит давление в сфере официальной исторической памяти, которая в отношении советского периода сохраняет неизменность с момента восстановления государственной независимости. Учреждения, ответственные за формирование политики, должны быть готовы к подобным сценариям, и эта готовность, на мой взгляд, означает разработку конкретных политических инициатив, способных оказать влияние на коллективную память иммигрантских общин.

---

⁸ *Евразийский монитор*. (2009). Восприятие населением и молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов, см.: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-162.html>.

⁹ Капрāns, М. (2013) Padomju laika sociālās reprezentācijas Latvijas sabiedriskajā domā (2004-2012). *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. 87, 102.–138. lpp. (Капранс, М., 2013, Социальные репрезентации советского периода в общественной мысли в Латвии (2004-2012). Журнал Латвийского института истории, 87, стр.102.–138).